

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2025.117.5.010

УДК 316.75:32

А.В. ПРОЦЕНКО

кандидат политических наук, доцент
кафедры государственного управления Луганского
государственного университета имени Владимира Даля,
Россия, Луганская Народная Республика, г. Луганск
E-mail: akstazatu@gmail.com

Е.Г. БЕРВИНО

аспирант кафедры государственного управления
Луганского государственного университета имени Владимира Даля,
Россия, Луганская Народная Республика, г. Луганск
E-mail: bervino86@mail.ru

ДЕТЕРМИНАНТЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ДОКТРИНЫ КОНСЕРВАТИЗМА: ЭВОЛЮЦИЯ И СРАВНЕНИЕ СУТИ ПОДХОДОВ

Рассмотрены и проанализированы в формате перекрестного прочтения работы Пола Робинсона «Русский консерватизм» и Ричарда Пайпса «Русский консерватизм и его критики», что позволяет с точки зрения различных подходов объяснить эволюцию понимания понятия русского консерватизма и провести анализ государственно-политического устройства России в контексте доктрины консерватизма. Делается попытка нивелировать узловые противоречия и упущения в обеих концепциях в контексте и через интерпретацию современного российского консерватизма в положениях концепции Михаила Суслова и Дмитрия Узланера. Предполагается, что во внутренней политике России сегодня дискурс консерватизма является продолжением риторики о «суверенной демократии» и может служить идеологическим цементом политических преобразований.

Ключевые слова: государственно-политическое устройство, доктрина, консерватизм, идеология, эволюция.

Введение. Консерватизм, который ранее был официальной идеологией правящей партии «Единая Россия» (или «социальный консерватизм», в трактовке одного из ее главных теоретиков Андрея Исаева), был принят российской властью. В интервью, данном в 2013 году, Владимир Путин, до этого принципиально избегавший каких-либо идеологических отсылок, определил свою позицию следующим образом: «Я думаю, вы могли бы назвать меня прагматиком

с консервативными наклонностями. (...) Консерватизм не означает застоя. Консерватизм основан на традиционных ценностях, но при этом остается обязательно ориентированным на развитие. Мне кажется, это абсолютно принципиально. Чаще всего в большинстве стран мира мы наблюдаем цикл, в котором консерваторы аккумулируют ресурсы и финансовые средства и создают условия для экономического роста. Потом приходят революционеры, которые так или иначе быстро организуют раздел всего этого. Кроме того, они не обязательно настоящие революционеры; это могут быть представители левых движений, левых партий или действительно радикальные личности. Они многое разделяют, что всем нравится. Затем наступает время разочарования: мы обнаруживаем, что все израсходовано или испорчено и что надо снова начинать накапливать ресурсы. Люди это понимают и вновь обращаются к консерваторам» [8].

Президент начинает с того, что представляет себя именно как «прагматик с консервативными наклонностями». Но далее, раскрывая свое восприятие консерватизма, он представляет эту концепцию как политическую философию, которая позволяет нам сделать два ключевых прагматических вывода.

Во-первых, под консерватизмом понимается определение политического курса, основополагающий принцип которого основан на традиционных (или консервативных, что здесь одно и то же) ценностях [5]. Во-вторых, консерватизм (точно в определении, данном С. Хантингтоном [19. С. 231-250]) представлен как идеология, противоположная по своей природе любой форме радикализма, и в частности левому радикализму. То есть позиция, узаконенная здравым смыслом: прежде чем что-либо тратить, нужно накопить богатство. Тогда «прежде чем прерывать процесс, позволивший достичь нынешнего этапа развития, мы должны понять, как работают новые механизмы. Это имеет большое значение» [5].

Эти размышления Владимира Путина показывают, что он считает консерватизм последовательным политическим и моральным видением мира, полным здравого смысла. Именно на этой основе он построил свою предвыборную кампанию зимой 2011-2012 годов и свою стратегию национального развития до 2025 года, представленную населению в форме так называемых «майских указов» в 2012 г. Возникает вопрос: в какой степени это ценностное кредо президента, на современном этапе развития страны и в известном международном контексте, способствует превращению консерватизма в идеологический вектор развития государства. Другими словами, является ли «консервативный поворот», инициированный Россией, политическим инструментом, который дает результаты в краткосрочной перспективе или же этот переломный момент не носит просто циклический характер, а является частью давней русской культурной, исторической, политической и философской традиции, задает курс России во внутренней и внешней политике «серьезно и на долгое время», если использовать ленинскую формулу о власти большевиков.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [3; 4; 6; 7; 9; 10; 11; 13; 14; 17; 18; 21].

Однако проблему консерватизма, основанного на традиционных ценностях нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Для понимания и погружения в сущность понятия «русский консерватизм», для определения наиболее свойственных ему принципов и признаков проанализируем несколько работ иностранных авторов, исследовавших данную тематику и предлагавших собственные, в ряде аспектов существенно отличающиеся подходы к осознанию роли, оценке перспективности и гармоничности консерватизма для российской современной политической действительности.

Р. Пайпс и его подход к русскому консерватизму как теории автократии.

Когда Ричард Пайпс начал писать свое исследование о русском консерватизме, он вернулся к одному из интересов своей юности – истории политических идей в дореволюционной России. В 1950-х годах он уже посвятил себя первому переводу и изданию на английском языке мемуаров Николая Карамзина, теоретика самодержавия при Александре. Пятьдесят лет спустя Р. Пайпс возвращается к этой теме на пике своей академической карьеры, которую он построил в Гарварде в качестве специалиста по Советскому Союзу [1. С. 65]. Интеллектуальная и политическая приверженность Р. Пайпса отражает фундаментальное убеждение, которым пропитана его работа: Россию определяет особая политическая культура, несовместимая с институтами и ценностями западной политической современности. Р. Пайпс становится исследователем постоянства и преемственности в работе над русской историей, рискуя граничить с фатализмом [1. С. 67]. Он особо подчеркивает сохранение консерватизма как доминирующего течения в российской политической мысли. В своем издании мемуаров Н. Карамзина он уже предположил, что консервативная политическая культура продолжала вдохновлять русский менталитет в Советском Союзе [5]. Именно это наблюдение послужило мотивом написания его книги в начале 2000-х годов. Во введении он объявляет: «Тема этой книги пришла ко мне пятьдесят лет назад, когда меня поразило сходство между коммунистической Россией и Россией времен Московского царства, я решил начать изучение русского консерватизма».

Публикация этой работы в 2005 году произошла в контексте консолидации растущей централизации власти и распространения в экспертно-политическом дискурсе ярлыка «либерально-консервативный» для описания политического стиля Российского президента [2. С. 99]. По мнению Пайпса, фактически в истории России доминирует единая модель правления – самодержавная система, то есть режим, «при котором граждане отказываются от своих политических и гражданских прав в обмен на стабильность и порядок» [15. С. 115]. Русский

консерватизм здесь по сути определяется как теоретическая основа этой политической практики, которая позволяет продвигать и легитимизировать власть [15. С. 120].

Исследование Р. Пайпса начинается с начала XVI в., после того как Москва приобрела свой политический суверенитет путем освобождения от монгольского ига. Затем последовала серия интеллектуальных споров, ставивших под сомнение модель управления и управления территорией. Первый крупный спор, касавшийся модели собственности, применяемой к церковной собственности, был разрешен в пользу вотчинной концепции земли, согласно которой страна являлась собственностью ее лидера. Для Р. Пайпса это основа личностного и абсолютистского характера российской политической власти. Сам Р. Пайпс воспроизводит аргументы, приводимые консервативными российскими мыслителями сильного государства, а именно, что Россия настроена на управление в соответствии с автократической системой из-за ее «социальной структуры», ее «культуры», ее географии и ее политической истории, отмеченной господством татарского ига и влиянием Византийской империи [16. С. 257]. На столь же эссенциалистском языке, каким пользуются авторы, которых он изучает, Р. Пайпс заключает, что сильное государство представляет собой постоянную «традицию» в русской истории, и нейтрализует любую возможность эмансипации или реформирования этой традиции [1. С. 70]. Единственное препятствие, с которым оно столкнулось, утверждает он, во время введения парламентского и конституционного режима в начале XX в., было столь же исключительным, сколь и эфемерным.

Пол Робинсон и консерватизм как органическое изменение: новаторский поворот в историографии российского консерватизма. Пятнадцать лет спустя, с публикацией работы Пола Робинсона, тема российского консерватизма приобрела еще больший политический резонанс, поскольку представители власти с 2012 года открыто заявляли о реализации «консервативного поворота» [20. С. 14]. Однако интерес П. Робинсона к этой теме выходит за рамки текущих медиа-проблем и свидетельствует о поколенческом и историографическом обновлении в англоязычной сфере славистики. П. Робинсон с самого начала демонстрирует научную позицию, существенно отличную от позиции Р. Пайпса, утверждая, что «консерватизм действительно имеет интеллектуальную ценность» [16. С. 257]. Таким образом, его определение российского консерватизма явно развивается по сравнению с определением Р. Пайпса. В то время как последний рассматривал его прежде всего как доктрину сильного государства, П. Робинсон выходит за рамки простого вопроса о политической власти и интересуется консерватизмом как философией истории и социально-экономической доктриной. По его словам, российский консерватизм – это «идеология, целью которой является обеспечение того, чтобы перемены соответствовали природе, истории и традициям России» [20. С. 15]. Таким образом, консерватизм понимается как сложная и динамичная мысль, движимая фундаментальной проблемой: модернизация, чтобы догнать Запад, сохраняя при этом традиционные

ценности и национальную идентичность. В этом смысле консерватизм противоречит либерализму не в необходимости перемен, а в форме, которую должны принять перемены. П. Робинсон здесь занимает противоположную точку зрения на определение Р. Пайпса, которое связывает консерватизм с защитой застоя и постоянства, утверждая, напротив, что органический принцип, лежащий в основе консервативной мысли, не препятствует тому, что она «глубоко противостоит статус-кво» и склонен к переменам [20. С. 15].

Сведение Р. Пайпсом российского консерватизма к доктрине сильного государства породило миф о связности и постоянстве консервативного канона, вплоть до игнорирования того, что он мог быть изменен или обновлен с течением времени. П. Робинсон, напротив, старается восстановить действующие контрасты внутри мысли каждого автора и ту догматическую разнородность, которую они вместе образуют. Более того, Робинсон восстанавливает мысль XX в. в Советском Союзе и в эмиграции в рамках российского консервативного канона и тем самым восстанавливает наследие, добровольно оставленное Р. Пайпсом. По мнению последнего, фактически «спор между сторонниками самодержавия и сторонниками ограничения власти исчерпался» еще в начале XX века и «с тех пор трудно будет найти новые аргументы в пользу самодержавия».

Подход П. Робинсона ломает многие предвзятые представления о российском консерватизме. Во-первых, он предлагает переосмысление политических и культурных аспектов консервативной доктрины, раскрывая ее связь со свободой, прогрессом и современностью. Консерватизм не является «по своей сути антилиберальным», утверждает он, объясняя, что он, тем не менее, отличается от «светского западного либерализма» своим акцентом на внутреннюю свободу и концепцию свободы личности. Этот более контрастный подход к морфологии консерватизма, подпитываемый углубленным прочтением текстов, позволяет П. Робинсону корректировать слишком поспешные или карикатурные интерпретации русских мыслителей на Западе. Так обстоит дело с Иваном Ильиным (1883–1954), антибольшевистским мыслителем, эмигрировавшим в Европу и близким к монархическому движению. В ответ на использование ссылок на И. Ильина в речи Владимира Путина американский историк Тимоти Снайдер охарактеризовал философа как теоретика политического тоталитаризма и фашистского государства. П. Робинсон смягчает этот короткий путь, напоминая, что И. Ильин был сторонником самодержавной формы правления, то он был твердо настроен против тоталитаризма и «ярким защитником законности, личного достоинства и свободы» [12. С. 98]. Точно так же П. Робинсон вновь обращается к классическому подходу к философскому спору славянофилов и западников. По его словам, оба лагеря разделяют одно и то же стремление «внести вклад во всеобщий прогресс». Если П. Робинсон разрешает дискуссию о политической двусмысленности славянофилов, интегрируя их в корпус консервативных мыслителей, то это происходит не столько из-за их поддержки самодержавного принципа, сколько из-за их стремления сохранить особый характер России в рамках этого марша к прогрессу. Такой подход подрывает бинарную оппозицию консерватизма

современности и переменам, которая традиционно наблюдалась среди предшествовавшего ему поколения американских историков. П. Робинсон таким образом уточняет выводы исследования Николая Рязановского о царствовании Николая I. Официальная идеология Николая I, сформулированная его министром Сергеем Уваровым, «Православие, самодержавие и национальный дух», имела целью, по мнению Н. Рязановского, «заморозить всякое развитие и навязать застой». П. Робинсон утверждает, напротив, что эта доктрина не была «несовместима с переменами» и даже характеризует С. Уварова как «прогрессивного министра» в силу проводимой им политики по улучшению и расширению системы образования.

Исследование П. Робинсона выделяется также вниманием к экономическому аспекту консервативной мысли, которому раньше в значительной степени пренебрегали. Такая более полная трактовка позволяет восстановить сложность позиций консервативных мыслителей, способных сочетать авторитарную концепцию политической власти с экономическим либерализмом, как, например, у Н. Карамзина.

Работа П. Робинсона позволяет, наконец, вернуться к фундаментальному аргументу Р. Пайпса, а именно о том, что консервативные мыслители, предоставив идеологию, легитимирующую сильную и централизованную власть, предотвратили развитие противодействия государственной власти в российском обществе. Если Р. Пайпс сообщает об идейных дебатах внутри интеллигенции, в частности о знаменитой ссоре между славянофилами и западниками, которой посвящена его третья глава, то его трактовка идеологического противостояния остается ограниченной сферой производства идей. П. Робинсон, напротив, старается выявить вертикальную напряженность между консервативными интеллектуалами и государством, раскрывая критическое, даже оппозиционное измерение их мысли.

Действительно, российское государство, напоминает нам П. Робинсон, часто выступало как радикальная модернизирующая и реформаторская сила, часто несогласная с органицистским принципом, которого придерживались консерваторы. Таким образом, П. Робинсон ломает тождество между консерватизмом, пропагандируемым государственной властью, и консерватизмом интеллектуалов. Он вспоминает, например, что царь Николай I, навязавший официальную националистическую и консервативную идеологию, тем не менее негативно осуждал как славянофильство, так и панславизм. Со своей стороны, хотя славянофилы были лояльны к режиму и сторонникам самодержавия, они «отклонились от официальной линии по некоторым вопросам, например, по свободе слова» и получили разрешение на издание собственной газеты только «после смерти Николая» [15. С. 11]. П. Робинсон показывает, что это напряжение действует на протяжении всей российской истории. Будь то Николай Карамзин при Александре I, Михаил Катков при Александре II или даже отношения между «неофициальными» и «полуофициальными» формами консерватизма при Леониде Брежневе, консервативные интеллектуалы порой оказывались

в двойственной позиции по отношению к политической власти, как теоретики принципа сильного государства, так и критики существующей политической системы. П. Робинсон использует оксюморон «лояльная оппозиция», чтобы подчеркнуть неоднозначную политическую позицию консервативных мыслителей в отдельные моменты их деятельности [5. С. 10]. Раскрывая своеобразный характер мышления консерваторов по отношению к политической власти, П. Робинсон объясняет важность их представления о своих качествах как интеллектуалов и их положении как таковом, когда Р. Пайпс сводил их к слугам государства.

Границы классического подхода к консерватизму. Соединение идей консервативных мыслителей с их особым отношением к политической власти предполагает более обоснованную концептуализацию разновидностей российского консерватизма, основанную на его практическом использовании в конкретном историческом и социальном контексте. В этом отношении подход П. Робинсона по-прежнему относится к классической истории идей, описывающей развертывание мыслей и позиций авторов на основе внутреннего анализа текстов и их вхождения в чисто теоретический панисторический диалог. Таким образом, П. Робинсону не удастся объяснить механизмы эволюции и мобилизации идей в разные периоды. В главе о позднем Советском Союзе, которую он датирует приходом к власти Леонида Брежнева, он отмечает, что «русские начали проявлять растущий интерес к своему национальному наследию» и что «интеллектуалы начали воссоединяться с консервативными мыслителями дореволюционной эпохи» – революционное прошлое [5. С. 29]. Если П. Робинсон предложит нам прочтение аргументов, выдвинутых интеллектуалами для обоснования своей позиции, более социальный и контекстуализированный подход к производству идей позволит нам лучше понять зарождение этого изменения в интеллектуальной конфигурации и его видимость в Советском Союзе. Подобный подход не будет ограничиваться изучением доктринальных изменений в течениях мысли, а изучением факторов, которые вмешиваются в производство, распространение и трансформацию идей и их значения. Таким образом, анализ траектории развития интеллектуалов, отношений между группами мысли и политической властью, материальных условий производства идей и, наконец, циркуляции интеллектуальной продукции эмиграции – все это, наряду с анализом теоретических произведений, является ключом к пониманию возобновления интереса и популярности дореволюционного консерватизма в позднем Советском Союзе.

Более контекстуализированная история консервативной идеи позволила бы нам установить более точную типологию воплощений консерватизма. Фактически выбор исследования, охватывающего длительный исторический период – с 1800-х годов до наших дней, – направляет автора на поиск концептуального единства воплощений консерватизма в разные эпохи. В этом же и заявленная цель работы: если Р. Пайпс предложил «узкое определение» консерватизма и остановился в 1917 г., то П. Робинсон стремится, наоборот, предложить «полный обзор предмета, который ранее был стандартным» [2. С. 99]. Разумеется, П. Робинсон отодвигает хронологические рамки Р. Пайпса, чтобы продолжить

анализ консерватизма за пределами Российской империи. Однако его решение начать свое исследование в XIX веке обосновывает и направляет выдвигаемое им чувство консерватизма. Настойчивость П. Робинсона на связи консерватизма с либерализмом, модернизацией и прогрессом отчасти вытекает из современного исторического контекста, в который он его помещает, тогда как в определении Р. Пайпса, следившего за преемственностью консерватизма, эти элементы показались бы анахронизмом. Как политическая мысль, зародившаяся в позднем средневековье. В этом смысле расхождение высказываний двух авторов обусловлено тем, что они имеют дело с политическими языками, сформировавшимися в разные исторические периоды.

Общее определение, предложенное П. Робинсоном, – определение социально-политической доктрины, внимательной к органицистскому принципу, – также допускает такое большое число авторов, что рискует потерять свою смысловую и практическую эффективность. Если он строго настаивает на неоднородности и противоречивости позиций, защищаемых – мыслителями консервативного корпуса, его стремление держать их вместе в одной категории не всегда убедительно. Он имеет тенденцию как оставлять немногих мыслителей за пределами консервативного спектра, так и не может оправдать упущение некоторых авторов. Отсутствие обращения к Владимиру Соловьеву или Николаю Федорову, мысль которых мобилизует органицистское начало, не представляется поэтому оправданным. В то же время консерватизм, задуманный П. Робинсоном, включает в свой корпус, например, Н. Бердяева, несмотря на политическую неоднозначность философии последнего. Вместо того, чтобы расширять категорию консерватизма, чтобы адаптировать ее к амбивалентности авторов, было бы лучше сосредоточиться на трансграничных пространствах, которые они занимают в интеллектуальном ландшафте, и изучить борьбу за определение и родство, которую они вызывают.

Одним из качеств исследований П. Робинсона является его глубокие знания и диалог с русской литературой по данной теме. Взаимное обогащение русскоязычных и англоязычных источников позволяет ему выявить недопонимания и противоречия, разделяющие их. Работа по сопоставлению интерпретаций, проведенная П. Робинсоном, позволяет заложить основы их участия в одной и той же историографической дискуссии. Однако связь между содержанием используемых источников и контекстом их написания отсутствует. Фактически, современные российские специалисты и комментаторы консерватизма также иногда открыто заявляют о том, что они являются консервативными мыслителями.

Современный российский консерватизм под редакцией Михаила Суслова и Дмитрия Узланера: междисциплинарное исследование консервативной идеологии в контексте ее действия. Работа под редакцией Михаила Суслова и Дмитрия Узланера, сосредоточив внимание исключительно на анализе современного российского консерватизма, исправляет белые пятна в анализе П. Робинсона. Введение сразу же выражает пористость консервативной мысли в сегодняшней России, которая пропитывает публичные дебаты и официальные

выступления и которая подпитывается актерами и организациями на границах политических, академических и медийных кругов [2. С. 100].

Траектория историка Аркадия Минакова, специалиста по русскому консерватизму XIX века и кандидата в губернаторы Воронежской области в 2018 году, также характерна для многопозиционности консерваторов, между политическими и интеллектуальными кругами. Эти наблюдения ясно показывают сложность изучения современного российского консерватизма, который представляет собой не мысль, заключенную в пространстве интеллектуальных дебатов, а социальный и партийный факт, воплощенный в различных формах. Цель работы М. Сулова и Д. Узланера состоит в том, чтобы предложить критический подход к консерватизму как идеологии, обладающей социальной эффективностью. Изучение теоретических произведений сочетается здесь с мониторингом их обращения и их конкретного использования посредством создания стандартов, действий и политики [2. С. 102].

Разнообразие дисциплин, из которых объединились в работе авторы, – истории, философии, политологии, социологии, культурной антропологии и международных отношений – позволяет уловить проявления консерватизма в различных местах его производства и обращения. Таким образом, в главах рассматриваются дискурсы интеллектуалов, а также духовенства Православной Церкви или политических лидеров, а также их воплощение и распространение в различных формах: законодательстве, онлайн-СМИ или даже исторических памятниках. От главы к главе авторы соглашаются признать, подобно П. Робинсону, что русский консерватизм отличается вниманием к органическому принципу, не «отвергая перемен в себе». Однако в книге не всегда удается сохранить последовательный подход. Во введении говорится, что консерватизм – это идеология, «достаточно поверхностная, чтобы рассматривать как союзника любой режим, который жертвует развитием, модернизацией и интернационализацией во имя сохранения – идентичности и традиций». В пятой главе, озаглавленной «Постмодерн и современность как политические термины в рамках нового российского консерватизма», Катарина Блюм, напротив, демонстрирует, что современный российский консерватизм характеризуется «интеграцией современности в концепцию «традиции»» [2. С. 103].

Глава А. Павлова «Большие надежды молодых российских консерваторов» иллюстрирует вклад социального и контекстуализированного подхода к производству идей по сравнению с классической историей идей, предложенной П. Робинсоном. В этой главе анализируется формирование в начале 2000-х годов группы консервативных интеллектуалов, «молодых консерваторов», названных таким образом по отношению к молодому немецкому консервативному движению начала XX в. А. Павлов характеризует эту мысль как с точки зрения ее теоретического содержания – антилиберализма, антиглобализма, национализма, империализма, неприятия радикального реформизма – так и формировавшего ее контекста – неприятия «хаоса 1990-х годов» и «изменение интеллектуального климата», спровоцированное новой администрацией президента с 2004 года [2.

С. 104]. Это также раскрывает важность социальных связей поколений, объединяющих группу. Ее догматическое сердце исходит из стремления отличаться от предшествовавшего ему поколения, а именно «евразийства Дугина и старых консерваторов (Леонтьева, Соколова и Фадеева), не уделявших достаточного внимания вопросу национализма.

Заключение. Проведенный в статье анализ раскрывает многогранный и даже противоречивый характер российского консерватизма. Российский консерватизм был построен более неустойчиво, чем теоретическая общественно-политическая доктрина. Он развивался на границах различных социальных пространств – интеллектуальных, политических и даже религиозных. Эта особенность побуждает продолжить контекстуальное исследование российской консервативной идеи, которое рассматривает ее не просто как научный, но и как партийно-идеологический дискурс, вовлеченный в конфигурацию акторов.

Такой подход через социальную историю восстанавливает перформативное измерение концепций, определение которых является местом, где осуществляется баланс сил между социальными группами. Раскрывая эти конститутивные полярности консервативного политического порядка, изучение консервативного идеологического дискурса становится частью социологии политики. Несмотря на отличия в подходах к описанию сути феномена российского консерватизма, затрагивающего практически все сферы жизнедеятельности общества, стоит отметить, что большинство авторов так или иначе находят ее органично присущей и характерной для российской государственности в самые различные периоды ее существования. И в современной России сложились исторические предпосылки для оформления консервативной идеологии в философскую базу для дальнейшего поступательно-эволюционного развития России как государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Бакланов Д.А.** Вехи интеллектуальной биографии Ричарда Пайпса: период раннего научного творчества (1950-1960-е гг.) // Гуманитарный акцент. 2022. № 2.
2. **Ванчугов В.В.** В поисках основ русского консерватизма. Рецензия на: Contemporary Russian Conservatism. Problems, Paradoxes, and Perspectives. Mikhail Suslov & Dmitry Uzlaner (eds.). Leiden: Brill, 2019. – 426 p. // Отечественная философия. 2023. Т. 1. № 1.
3. **Грядунов Ю.Ю.** Подходы к понятию «традиционных ценностей». // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. № 10.
4. **Грядунов Ю.Ю.** Анализ государственной политики России по укреплению традиционных идеологических ценностей // Вопросы политологии. 2024. № 7.
5. **Грязнухин А.Г. и др.** Консерватизм как альтернативная форма цивилизационного развития пореформенной России // Bylye Gody. 2021. № 3 // <https://>

- scholar.google.ru/citations?view_op=view_citation&hl=ru&user=wncfFqQAAAAJ&citation_for_view=wncfFqQAAAAJ:MXK_kJrjxJIC.
6. **Емельянов С.В.** Этапы и цивилизационные особенности исторической трансформации культурной политики российского государства: политический аспект // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 6.
 7. **Ибрагимов И.Д.** Некоторый новый функционал религиозных организаций как субъектов гражданского общества в современном политическом контексте // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 11.
 8. Интервью Владимира Путина Первому каналу и агентству Associated Press // «Кремлин.ру». 4 сентября 2013 г. // <http://kremlin.ru/events/president/news/1914>.
 9. **Каргин Е.А.** Государство-цивилизация как проявление множественных модерностей // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 10.
 10. **Котова Е.А.** Русская православная церковь и государство: роль в формировании патриотизма и механизмы взаимодействия с Вооруженными силами Российской Федерации // Вопросы политологии. 2024. № 5.
 11. **Легостаев И.А.** Традиционные ценности в политическом дискурсе России и Китая: сравнительный анализ // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 10.
 12. **Михайлов Р.** Новые тенденции в идеологии русофобии // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3.
 13. **Одинокоев М.Д., Трифонов А.Д.** Роль консервативных институтов гражданского общества и партийной системы в консолидации российского общества в условиях нестабильности мирового политического пространства // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. № 7.
 14. **Панков А.В.** Актуальные концепты и направления современных отечественных теоретико-методологических дискуссий, репрезентирующие цивилизационно-элитологический подход: «коэволюционное развитие» и «евразийство» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 7.
 15. **Перевезенцев С.В.** Гуманизм или консерватизм? // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 2.
 16. **Прохоров Г.С.** «Последние времена» в публицистике русского политического консерватизма XIX века // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. 2023.
 17. **Ручин А.Л., Евтехов Р.А.** Практика реализации политики памяти об участниках СВО в Сибири и на Дальнем Востоке // Вопросы политологии. 2025. № 1.
 18. **Титов В.В.** Проблема формирования общероссийской гражданской идентичности российской молодежи в условиях новых политических вызовов 2020-х гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 5.
 19. **Хантингтон С.** Консерватизм как идеология // Тетради по консерватизму. 2016. № 1.

20. **Шемченко Н.А.** Религиозно-идеологический аспект монархической идеи в трудах основных представителей русской общественно-политической мысли монархического уклона второй половины XIX – начала XX в // Genesis: исторические исследования. 2023. № 7.
21. **Щербаков И.М.** Динамика влияния цивилизационных идентичностей во внешней политике России первой четверти XXI века: опыт гуманитарной политики и культурно-религиозной дипломатии // Вопросы политологии. 2025. № 1.

A.V. PROTSENKO

Candidate of Political Sciences, Associate Professor
of the Department of Public Administration of the Luhansk
Vladimir Dahl State University, Luhansk,
Luhansk People's Republic, Russia

E.G. BERVINO

Postgraduate Student of the Department
of Public Administration of the Luhansk Vladimir Dahl State
University, Luhansk, Luhansk People's
Republic, Russia

DETERMINANTS OF THE STATE-POLITICAL STRUCTURE OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE DOCTRINE OF CONSERVATISM: EVOLUTION AND COMPARISON OF THE ESSENCE OF APPROACHES

Russians Russian Conservatism and Its Critics» by Paul Robinson and Richard Pipes are considered in the format of a cross-reading of the work of Paul Robinson «Russian Conservatism» and Richard Pipes, which makes it possible to explain the evolution of understanding the concept of Russian conservatism from the point of view of various approaches and to analyze the state-political structure of Russia in the context of the doctrine of conservatism. An attempt is made to neutralize the nodal contradictions and omissions in both concepts in the context and through the interpretation of modern Russian conservatism in the provisions of the concept of Mikhail Suslov and Dmitry Uzlaner. It is assumed that in Russia's domestic politics today, the discourse of conservatism is a continuation of the rhetoric about «sovereign democracy» and can serve as an ideological cement for political transformations.

Key words: state-political structure, doctrine, conservatism, ideology, evolution.